

УДК 340.12

DOI 10.46741/2686-9764-2019-13-3-304-312

Теория справедливого наказания (между Кантом и утилитаристами)

Н. А. ШАВЕКО – научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат юридических наук

Реферат

В статье исследуется вопрос о наказании и справедливости. С этой целью анализируется теория наказания как кары по принципу талиона, предложенная И. Кантом, а также оппозиционные ей утилитаристские теории наказания. Выявляются фундаментальные достоинства и недостатки обоих подходов. Для их иллюстрации и оценки, а также для обоснования собственных взглядов автор анализирует действующее российское законодательство (не только уголовное и уголовно-исполнительное, но и административное, гражданское, трудовое), а также правовые памятники различных эпох, проводит параллели между уголовной и другими видами юридической ответственности. Рассматриваются воззрения некоторых авторов неокантианского направления и приводится авторская позиция, в частности обосновывается понимание справедливости как принципа равноценности интересов лиц; справедливого наказания как наиболее оптимального средства, направленного на восстановление справедливого правопорядка; утверждается, что только совершение противоправного деяния вменяемым лицом должно служить неопровержимым основанием юридической ответственности, в то время как вина, вред и причинная связь являются ее относительными условиями; обосновываются потенциальная неограниченность юридических фактов, влияющих на справедливость приговора, и относительность принципа неотвратимости наказания.

Ключевые слова: справедливость; наказание; справедливое наказание; юридическая ответственность; Кант; утилитаризм; талион; цель наказания; вменяемость; неотвратимость наказания.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Theory of Fair Punishment (between Kant and the utilitarians)

N. A. SHAVEKO – Researcher of the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, PhD. in Law

Abstract

The article explores the issues of punishment, justice. To this purpose the theory of punishment as punishment according to the lex talion principle, proposed by I. Kant as well as utilitarian theories of punishment opposed to it, are analyzed. The fundamental advantages and disadvantages of both approaches are revealed. To illustrate and evaluate them, as well as to justify the own views, the author analyzes the current Russian legislation (not only criminal and penal enforcement, but also administrative, civil, labor), as well as

legal monuments of different eras, draws parallels between criminal and other types of legal responsibility. The views of some authors of the neo-Kantian direction are examined and the author's position is given, in particular, an understanding of justice as a principle of equal interests of individuals is grounded; fair punishment as the most optimal means aimed at restoring a fair rule of law; it is argued that only the commission of an unlawful act by a sane person should serve as an indispensable basis for legal liability, while guilt, harm and causation are its relative conditions; substantiates the potential unlimited legal facts affecting the justice of the sentence and the relativity of the principle of inevitability of punishment.

Key words: justice; punishment; fair punishment; legal liability; I. Kant; utilitarianism; talion; purpose of punishment; sanity; inevitability of punishment.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state studies

Человечество с давних времен пыталось осмыслить наказание и найти его философское обоснование. Не прекращаются эти попытки и в настоящее время. В различных теориях целями наказания назывались: 1) возмездие (кара) преступнику, 2) устрашение преступника и других лиц, 3) предупреждение совершения новых преступлений (путем лишения свободы, изгнания из страны, смертной казни преступника), 4) исправление виновного, 5) заглаживание вреда [14, с. 604–607]. Несложно заметить, что первая из названных целей – это причинение страданий преступнику вне зависимости от того, какую пользу от этого получают государство, общество или потерпевший, тогда как остальные цели наказания носят в той или иной степени утилитарный характер: наказание необходимо для предотвращения правонарушений и нейтрализации последствий совершенных правонарушений. Теории наказания, отсылающие к первой из обозначенных целей, еще называют абсолютными, или ретрибутивными (наказание нужно, потому что совершено преступление), а теории, в основе которых лежат другие цели, – относительными, или конвенциональными (наказание нужно, чтобы преступления не совершались).

Одним из самых известных представителей теории наказания как кары является И. Кант. Он утверждал, что даже если общество перестанет существовать, убийца должен быть наказан, так как за преступлением неотвратимо должно следовать наказание [4, с. 372]. Однако, по нашему мнению, философ не привел ни одного аргумента в пользу тезиса, что безнаказанность является высшей несправедливостью. Действительно, неотвратимость наказания может показаться основным началом уголовного права, однако едва ли случайно то, что действующий УК РФ такого принципа не содержит. Установление обстоятельств, исключающих преступность деяния или освобождающих

от уголовной ответственности, ставит под сомнение безусловность возмездия.

Изначально И. Кант пишет: «Наказание по суду... никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу: наказание лишь потому должно налагать на преступника, что он совершил преступление; ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как с средством достижения цели другого...» [4, с. 370]. Первая часть процитированного предложения представляет собой тезис, вторая, по всей видимости, является аргументом. В принципе возможно согласиться с данным утверждением. Однако, по нашему мнению, здесь еще не идет речь о наказании как каре хотя бы потому, что философ в принципе допускает использование наказания в качестве средства для некоего блага, если наказание при этом не является «только средством».

Дело также и в том, что если бы использовалось наказание в чисто утилитарных целях, то можно было бы наказывать в том числе невиновных лиц и тех, кто вообще не совершал преступления, при условии, что имеются достаточные основания считать это наказание полезным для других лиц или общества в целом (в зависимости от версии утилитаризма) [16, с. 217, 227]. Такой подход, несмотря на свою абсурдность, нередко имел место в истории, в частности при применении мер коллективной ответственности [15; 13, с. 88, 94], а порой используется и в современных развитых странах [1]. В большинстве случаев коллективная ответственность хоть и эффективна в целях поддержания порядка (через устрашение), но вряд ли справедлива, так как при этом наказываются невиновные лица, вообще не совершавшие никакого преступления. В свою очередь идея И. Канта состоит в том, что основанием юридической ответственности должно служить противоправное деяние, а не простая

польза. И эта идея в целом верна. Именно конкретное деяние вменяемого лица, имеющее признаки противоправности, служит (частным) основанием юридической ответственности, тогда как причиненный вред, причинная связь деяния с этим вредом и степень вины являются лишь ее условиями, применимыми в тех или иных случаях.

Другая заслуга немецкого философа состоит в обосновании возможности наказания как такового, и сделал он это максимально лаконично: «когда определенное проявление свободы само оказывается препятствием к свободе, сообразной со всеобщими законами, тогда направленное против такого применения принуждения как то, что воспрепятствует препятствию для свободы, совместимо со свободой, сообразной со всеобщими законами, то есть бывает правым; стало быть, по закону противоречия с правом также связано правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву» [4, с. 286]. Правда, И. Кант не увидел, что из этого умозаключения прямо следует понимание наказания лишь как средства, препятствующего нарушению справедливости, а не как самоцели (возмездия).

Сказанное И. Кантом не свидетельствует, что суть наказания состоит в возмездии. Последний тезис у него не обосновывается, в результате чего неубедительными остаются и его сентенции о жителях необитаемого острова (неотвратимости наказания) и о недопустимости помилования. Он отрицает наличие у суверена права помилования (за единственным исключением – при преступлениях против самого суверена) на основании того, что «безнаказанность – величайшая несправедливость» [4, с. 375–376], и не желает рассматривать неотвратимость наказания в качестве утилитарного принципа. Между тем сегодня, когда институты амнистии и помилования широко распространены и закреплены в конституциях развитых государств, мало кто рассматривает неотвратимость наказания как безусловную логическую, а не как условную практическую необходимость. Конечно, амнистия и помилование должны быть не выражением произвола, а механизмом учета тех обстоятельств, которых не смогли предвидеть законодатель или судья, но вместе с тем они составляют разумное исключение из принципа неотвратимости наказания.

Таким образом, безусловная неотвратимость наказания, а вместе с ней и понимание наказания как возмездия (кары) не выдер-

живают критики. Следует согласиться с Гуго Гроцием, что «преступникам не причиняется несправедливости, если их подвергают наказаниям. Однако же отсюда еще не следует, что их должно наказывать безусловно; да это и неверно: ведь многим преступникам многое прощают и бог, и люди; даже их за то сплошь и рядом восхваляют» [3, с. 454]. Если говорить о развитии идеи возмездия после И. Канта, то в научной литературе отмечалось, что «более благотворной оказалась идея возмездия в соединении с признанием целесообразности в наказании (теория, отчасти напоминающая теорию Гуго Гроция). Возмездие – основание права наказания; но применение наказания государственной властью, озабоченной не осуществлением нравственных принципов, а обеспечением известных благ, должно стремиться к осуществлению той или другой благой цели. Такое соединение идей возмездия и целесообразности делалось, главным образом, французскими криминалистами» [11, с. 867–868]. По мнению Г. Гроция, разум «предписывает человеку не предпринимать ничего, что может вредить другому человеку, если только такой вред не приводит к какой-либо благой цели. В одном только страдании врага, взятом самом по себе, нет никакого блага» [3, с. 455]. Мыслитель утверждал, что наказание преследует тройную пользу: преступника, потерпевшего и общества, что связано с целями исправления, устрашения и предупреждения [3, с. 457]. Удивительно, как И. Кант, стараясь быть истинным христианином, игнорировал христианские заповеди терпения и прощения в своем восхвалении кары и отрицании помилования.

Еще менее убедительным, чем при попытке найти смысл наказания в возмездии, выглядит И. Кант, когда пытается обосновать конкретный вид и меру наказания через принцип талиона.

Философ сам же пишет: «Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой» [4, с. 371]. Но может ли принцип равенства лиц, следующий из категорического императива, что-либо сказать о «способе» и «степени» наказания, как того хочет И. Кант? Точно так же, как по вопросу преступности деяний, абстрактный принцип равенства не может дать нам окончательных ответов, а лишь постулирует равную ценность лиц (при первом приближении это означает недопустимость с помощью

введения тех или иных составов преступлений дискриминации отдельных социальных групп, но в рамках настоящей статьи нет возможности рассматривать проблемы так называемой позитивной дискриминации), в сфере наказаний справедливость требует от нас лишь того, чтобы никакое лицо не было только средством для достижения целей других лиц (отсюда основанием наказания всегда является преступное деяние), и того, чтобы при равных юридически значимых обстоятельствах два преступника получили одинаковое наказание, но ничего не говорит о том, каковы эти юридические критерии и каким именно будет наказание. В свою очередь использование принципа равенства для обоснования справедливости талиона вообще никак не следует из категорического императива.

Кроме того, принцип талиона, являющийся достаточной простой нравственной интуицией первобытного человека, находил отражение далеко не всегда и не везде даже применительно к Древнему миру. Так, по Законам Хаммурапи в качестве наказания за причинение телесных повреждений применялся не только зеркальный талион (за выкалывание глаза – выколоть глаз, за сломанную кость – сломать кость), но и символический («если сын ударил своего отца, то ему должны отрубить руку», а вовсе не бить его), а за причинение вреда мушкенуму вообще предусматривался только штраф (§ 195–198, 201 Законов Хаммурапи); за совершение кражи (то есть причинение имущественного вреда) человек лишь иногда претерпевал имущественную санкцию (то есть наказывался штрафом, в отличие от Законов XII таблиц (табл. VIII, п. 16, 18б, 19)), никогда не наказывался «символическим» отрубанием руки (в отличие от Законов Ману (кн. VIII, п. 344)), а в большинстве случаев в качестве наказания предусматривалась смертная казнь (§ 6–8, 21–22, 25 Законов Хаммурапи), что вряд ли соответствует принципу талиона. Нет нужды доказывать, что в древних правовых памятниках наказание сравнительно редко строилось по принципу талиона, даже если такая возможность имела (так, если в целом ряде статей Законов Хаммурапи за лжесвидетельство предусматривается та же ответственность, которая грозила обвиняемому, то Законы Ману (п. 123 кн. VIII) предписывают лишь изгонять и штрафовать лжесвидетелей, а Законы XII таблиц (табл. VIII п. 23) постановляли скидывать лжесвидетелей со скалы. В других случаях принцип талиона попросту неприменим, так как не-

ясно, что является зеркальным наказанием за преступления против государственной власти и т. п., и тому же И. Канту пришлось прибегнуть к странным мыслительным ухищрениям, чтобы обосновать применение здесь смертной казни по принципу талиона [4, с. 372]. Таким образом, талион может рассматриваться только как общая первобытная интуиция, связанная с идеей равенства, а не как образец для подражания; впоследствии, с развитием законодательства, идея равенства раскрывалась все более адекватно и полно. Сегодня даже в деликтном праве не всегда возмещение убытков в размере, строго эквивалентном причиненному вреду, считается справедливым [2, с. 57].

И. Кант признает, что принципа талиона нельзя придерживаться буквально [4, с. 371]. Некоторые исследователи интерпретируют этот факт таким образом, что философ якобы понимал талион «лишь в смысле равенства между чувством страдания, причиненного потерпевшему преступлением, и страдания, причиненного наказанием преступнику» [12, с. 45]. Этот вывод может показаться убедительным, если обратить внимание на взгляды И. Канта на справедливое наказание за оскорбление словом. При таком понимании талиона возникают новые сложности: 1) как определить, является ли страдание равным, и как вообще сравнить страдания двух людей; 2) как следует наказывать преступления, в которых вред причинен не одному лицу, а всему обществу или неопределенному кругу лиц, например в случае государственной измены, а также в случаях, когда вред не причинен, но состав преступления образуется уже при наличии опасности причинения вреда, ведь в таких случаях сравнения в принципе невозможны. Но, больше того, имеются основания полагать, что философ и не пытался соизмерять страдания: так, аргументируя, что за мятеж следует наказывать смертной казнью, он ссылается на соответствие этого наказания «внутренней злостности» преступления, а не на причиненные страдания [4, с. 372]. Однако этот подход к талиону связан с еще большими сложностями, так как здесь приходится придумывать целую иерархию объективных ценностей, что, конечно, чревато крайним догматизмом.

Итак, воззрение, согласно которому справедливым будет наказание по принципу талиона, опровергается тем, что отсутствуют доказательства в его пользу, методом «от противного».

Как было сказано выше, согласно идее справедливого наказания при одинаковых обстоятельствах все преступники должны подвергаться одинаковому наказанию, но при этом возникают два вопроса: какие обстоятельства юридически значимы и какое именно наказание это будет. Ответ на первый вопрос видится таким: законодательство и судья (конечно, в рамках законодательства) должны учитывать максимально возможное количество самых различных фактов, относящихся к делу, на второй – наказание (как воздающая справедливость) должно быть таким, чтобы оптимально содействовать восстановлению справедливого правопорядка (общих начал справедливости); это достигается через цели устрашения преступника и других лиц, предупреждения совершения новых преступлений, исправления виновного и заглаживания вреда, причиненного потерпевшему, то есть чисто утилитарных целей, ради которых наказание (юридическая ответственность в целом) и существует.

Если обратиться к действующему УК РФ, то в ст. 43 найдем подтверждение заявленных тезисов. Согласно действующему уголовному праву наказание преследует все цели, которые выше были обозначены как утилитарные, за исключением заглаживания вреда, так как предполагается, что эта цель достигается в гражданском процессе (и остается целью юридической ответственности в целом). В свою очередь административное законодательство нацелено только на общую и частную превенцию (ст. 3.1 КоАП РФ), но также ничего не говорит о возмездии. И действительно, очень часто в качестве цели наказания называется превенция, при этом незаслуженно забывается такая цель, как исправление. По нашему мнению, правовые механизмы могут содействовать исправлению осужденного лишь в ограниченном объеме, но это обстоятельство еще не является основанием для отказа от данной цели. Кроме того, воздействие на лицо, совершившее преступление, достигается через принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и принудительные меры медицинского характера (ст. 92 УК РФ).

Действующим уголовным законом предполагается, что наказание восстанавливает социальную справедливость, если соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК РФ). Причем если характер обществен-

ной опасности преступления является качественным показателем, формализующимся через ценность объекта посягательства и форму вины преступника, то степень общественной опасности преступления, а также личность виновного являются неформализованными критериями и включают открытый перечень признаков. Таким образом, действующий уголовный закон признает, что на справедливость приговора может влиять неограниченный перечень обстоятельств. Все они расширяют основания для неравной оценки, но так или иначе должны оправдываться целями наказания.

Следует подчеркнуть, что через исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений действующий уголовный закон достигает своего основного предназначения – восстановления социальной справедливости (ее общих начал). Кара в УК РФ не названа целью наказания и не может быть таковой, поскольку является лишь субъективным восприятием наказания тем или иным лицом.

Принцип талиона, тесно связанный с пониманием наказания как кары, едва ли является адекватным правовым средством для достижения вышеуказанных утилитаристских целей наказания: с изменением цели меняются и средства.

Вышеприведенные суждения не означают, что следует полностью отказаться от идеи И. Канта в области теории справедливого наказания. Но и «золотая середина» должна иметь четкое содержание, а не просто стремиться примирить крайности любой ценой.

Во-первых, принуждение в виде справедливого наказания допустимо, поскольку противостоит несправедливости и направлено на ее устранение. Во-вторых, следует согласиться с философом в том, что наказание невозможно без преступного деяния, которое является его основанием. В-третьих, во многом верно кантовское нравственное учение, из которого, как полагаем, можно вывести принцип равноценности лиц, касающийся уже вопросов справедливости. Казалось бы, как можно в равной степени учитывать интересы преступника и жертвы? Но И. Кант пишет: «Тот, кто что-то украл, делает ненадежной собственностью всех остальных; следовательно, он отнимает у себя... надежность всякой возможной собственности» [4, с. 372]. Таким образом, равенство лиц достигается установлением максимы неприкосновенности собственности. Впоследствии основанные на трудах И. Канта учения

о справедливости бросили решительный вызов утилитаризму. Следовательно, утилитаристский подход применяется в вопросах наказания только в ограниченном объеме, а именно: наказание должно быть таким, чтобы быть оптимально полезным для восстановления справедливого порядка; именно для этого при назначении наказания следует учитывать самые различные факторы, перечень которых открыт (форма вины, соучастие, причиненный вред, рецидив и др.).

Любое утилитаристское учение сталкивается с одной и той же проблемой: крайняя неясность того, в чем же заключается «общее благо» (которое утилитаристы называют высшей целью), ибо достоверно можно говорить только о благе конкретных лиц, а общее для абсолютно всех лиц благо вряд ли существует. Если считать правильным то, что в целом для общества приносит больше удовлетворения, чем страдания, то остается нерешенной проблема, как полученные счастье и удовольствие должны быть распределены между членами общества. В этом – краеугольный вопрос справедливости, на который утилитаризм ответить не может.

Для равного распределения удовольствий между всеми членами общества утилитаристам приходится или постулировать общую для всех иерархию ценностей и соответственно им – удовольствий, или так же догматично вводить критерии сравнения удовольствий различных лиц. Оба пути представляются сомнительными.

Таким образом, утилитаризм не может предложить до конца убедительную теорию справедливого наказания, поскольку не дает ясного представления о том, что есть справедливость.

В первой половине XX в. на ошибки теории наказания И. Канта стали указывать в том числе и правоведы-неокантианцы. Например Р. Штаммлер отстаивал допустимость помилования, называя его одним из средств для достижения «правильного права», а Г. Радбрух отмечал, что теория наказания как кары возможна только в случае, если мы признаем за правом и государством самостоятельную, не зависящую от их полезности для отдельных людей ценность, но поскольку И. Кант был, напротив, сторонником либерализма и не допускал отношение к человеку лишь как к средству, в своей теории наказания как кары он противоречит сам себе.

Предыдущее изложение показало, словами Г. Радбруха, что «справедливость наказания хотя и означает, что равно виновных

следует наказывать равно, а обвиненных в различной тяжести преступлениях – соразмерно их обвинению, при этом остается неясным, согласно какому критерию следует определять, равно ли или различно бремя обвинения: по критерию вины, опасности или какому-либо иному критерию. В то же время распределительная справедливость обвинения говорит лишь о соотношении наказаний между собой, а не о степени их суровости или виде, и лишь о месте наказания в соответствующей системе наказания, а не о самой этой системе, не о том, какова в ней шкала наказаний – должна ли она начинаться с тюрьмы и телесных наказаний и кончаться смертной казнью или начинаться с денежного штрафа и кончаться пожизненным заключением. Ответ на эти вопросы, не решенные теорией справедливости, можно получить, опираясь лишь на... целесообразность» [9, с. 180]. Таким образом, только цели наказания определяют, в какой мере следует учитывать те или иные факторы.

Особого внимания заслуживает такое условие наступления юридической ответственности, как вменяемость лица. Ведь, как писали Ф. Лист и вслед за ним И. Я. Фойницкий, причины преступлений бывают природные, общественные и индивидуальные, и если бы не существовало последних, смысла в наказаниях бы не было, а борьба с преступлениями ограничивалась бы социальной политикой и техническим преобразованием мира [10, с. 108–109]. Согласно одной из точек зрения, имеющих место в научной литературе, «невменяемость есть не что иное как неспособность психически больного лица действовать виновно» [7, с. 83]. Соответственно, вменяемость – «нормальное состояние человека зрелого и со здравым рассудком» [6, с. 81] – это необходимое условие виновности. Для раскрытия этого понятия не требуется кантовское представление о свободе воли человека [6, с. 81–82]. Как верно отмечал еще один неокантианец Г. Кельзен, вменение происходит не потому, что человек с некоторой точки зрения (например, как часть мира «вещей в себе») полностью свободен от причинно-следственных связей и способен выбирать любой вариант поведения: напротив, право, мораль и другие социальные регуляторы прямо подразумевают детерминированность человека, ибо по своей сути направлены на то, чтобы причинно воздействовать на его волю. Аргумент, оправдывающий юридическую и иную социальную ответственность, по Г. Кельзену, состоит в том,

что человек является конечным элементом цепи причин и следствий. Это означает, что он обладает разумом и волей. Привлечение к ответственности происходит потому, что совокупность причин, объединенных понятием воли, могла бы привести к другим последствиям. У детей и душевнобольных воля не способна быть действенной причиной, поэтому исключается их ответственность. В этом смысле наказание невменяемых лиц не столько несправедливо, сколько нецелесообразно [5, с. 127].

Действующее уголовное законодательство исключает ответственность невменяемого лица (ст. 21 УК РФ). В свою очередь, наше гражданское законодательство исключает правовые последствия сделок (ст. 171, 177 ГК РФ) и деликтную ответственность (п. 1 ст. 1076, абз. 1 п. 1 ст. 1078 ГК РФ) де-факто или де-юре недееспособного лица (ст. 29 ГК РФ). Таким образом, даже когда гражданско-правовая ответственность наступает без вины, предполагается, что ответственное лицо вменяемо. Сказанное позволяет обозначить вменяемость как важнейшее условие юридической ответственности (в отличие от вины, поскольку феномен безвиновной ответственности отчасти может быть объяснен теорией «взаимных рисков» [1, с. 52–53]). В сущности, только вменяемый человек может сказать, что то или иное действие – его; невменяемым же как будто руководит другая сила. В этом смысле нет принципиальной разницы между гражданским правонарушением и преступлением: ответственным всегда будет, как выразился Ф. Лист, «в известной степени зрелый человек» [6, с. 69–70].

Не менее важный вопрос состоит в том, как соотносятся между собой различные цели наказания, какие из них более приоритетны, а какие менее. «Всякое человеческое деяние, и равным образом преступление, является продуктом двух факторов: характера и ситуации, индивидуальности и среды» [8, с. 56]. Соответственно, мы должны учитывать как объект и объективную сторону преступления. Ф. Лист делил преступников на прирожденных, привычных и случайных, а целями наказания называл соответственно этим категориям обезвреживание, исправление и устрашение; Г. Радбрух, заимствовав эту классификацию Ф. Листа, предложил следующие цели наказаний в зависимости от типа преступника:

1) для «случайных» преступников, то есть преступников «под влиянием минуты» (на-

пример, аффекта), которых таковыми сделало случайное стечение внешних обстоятельств, целью наказания будет устрашение, служащее напоминанием о необходимости правильного поведения;

2) для преступников «привычных», то есть сознательно идущих на преступление, цель наказания – это:

– для «невменяемых и излечимых» – лечение, а для «невменяемых и неизлечимых» – помещение в изолированный «сумасшедший дом» (отметим, что в отношении невменяемых вообще некорректно говорить о наказании и относить их к «закоренелым» преступникам);

– для «вменяемых взрослых исправимых лиц» – исправительное наказание, конкретизировать которое, полагал Ф. Лист, должны не суды, а тюремные инстанции (впрочем, нам представляется, здесь уместны также цели устрашения, обезвреживания и изоляции);

– для «вменяемых взрослых неисправимых лиц» – обезвреживание и изоляция, то есть, в понимании Ф. Листа, пожизненное заключение (как видится, здесь достигается также цель устрашения, тем тюрьма и отличается от сумасшедшего дома);

– для вменяемых несовершеннолетних – воспитание (по нашему мнению, воспитание некорректно отождествлять с наказанием) [8, с. 57].

На основании изложенного можно сделать некоторые выводы по вопросу о том, какое наказание является правильным. Итак, юридическую ответственность в целом и наказание в частности следует понимать не как кару (возмездие), а как средство защиты от неправомерных посягательств (утилитарно). Их польза состоит в том, что они, словами И. Канта, воспрепятствуют препятствиям для свободы. Вместе с тем юридическая ответственность применяется не во всех случаях, когда она полезна, а только по отношению к вменяемым лицам, совершившим противоправное деяние (в этом состоит ее основание). При этом базовым является принцип равной ценности любых лиц, то есть в правовых санкциях не должно быть дискриминации (неравенства, не обусловленного объективными целями юридической ответственности, применяемой в условиях справедливого правопорядка); этот базовый принцип не способна дать утилитаристская доктрина. Наказание недопустимо там, где оно не способствует достижению своих целей, поэтому неотвратимость наказания должна пониматься не как безуслов-

ная логическая, а как условная практическая необходимость. Вменение основано не на теории свободной воли человека, а на том факте, что человек является важным звеном в цепи причинно-следственных связей, приводящих к преступлению. Криминологическая политика государства также направлена на предотвращение преступлений, но воздействует уже не на преступника, а на социальную среду, то есть на другие звенья тех же самых причинно-следственных связей. Принцип талиона является лишь первобытным интуитивным выражением идеи равенства и не может рассматриваться как эталон для наказания. Поэтому при назначении наказания следует учитывать скорее пользу от него, чем вред от преступления.

Для достижения целей наказания законодатель и судья (в рамках законодательства) должны учитывать максимально возможное количество самых различных фактов, не все из которых могут быть формализованы (например, перечень смягчающих уголовную ответственность наказаний является открытым). Цели наказания ранжируются в зависимости от характеристик субъекта, к которому оно применяется (для преступников «случайных» – устрашение, для преступников «привычных»: лечение – для невменяемых и излечимых, изоляция – для невменяемых и неизлечимых, исправление, устрашение, изоляция – для вменяемых и исправимых, устрашение, изоляция – для неисправимых).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богданов, Д. Е.** Влияние принципа справедливости на эволюцию учения о причинности в деликтной ответственности / Д. Е. Богданов // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 5–15.
2. **Богданов, Д. Е.** Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности / Д. Е. Богданов // Журнал российского права. – 2013. – № 7. – С. 49–62.
3. **Гроций, Г.** О праве войны и мира / Г. Гроций. – Москва : Ладомир, 1994. – 868 с. – ISBN 5-86218-149-0.
4. **Кант, И.** Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 528 с. – ISBN 978-5-02-026-294-2.
5. **Кельзен, Г.** Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Г. Кельзен. – Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс, 2015. – 542 с. – ISBN 978-5-905966-54-5.
6. **Лист, Ф.** Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист. – Москва : Инфра-М, 2004. – 110 с. – ISBN 5-16001-900-6.
7. **Назаренко, Г. В.** Правовая и криминологическая значимость уголовно-релевантных психических состояний / Г. В. Назаренко. – Орел : ГТУ, 2002. – 200 с. – ISBN 5-89963-045-7.
8. **Радбрух, Г.** Введение в науку права / Г. Радбрух. – Москва : Труд, 1915. – 160 с.
9. **Радбрух, Г.** Философия права / Г. Радбрух. – Москва : Международные отношения, 2004. – 238 с. – ISBN 5-7133-1197-X.
10. **Сергиевский, Н. Д.** Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая / Н. Д. Сергиевский. – Санкт-Петербург : Типография Стасюлевича, 1900. – 364 с.
11. **Слиозберг, Г. Б.** Воздаяние, возмездие / Г. Б. Слиозберг // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. VIa. – Санкт-Петербург, 1892. – С. 867–868.
12. **Суденко, В. Е.** Справедливость и наказание по И. Канту / В. Е. Суденко // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 3. – С. 42–48.
13. **Сыма, Ц.** Исторические записки. Т. VII / Ц. Сыма. – Москва : Восточная литература, 1996. – 464 с. – ISBN 5-02-017826-8.
14. **Шамсудинов, И. У.** Теории наказания в доктрине уголовного права и дискуссия о его целях; альтернативы уголовному наказанию / И. У. Шамсудинов // Молодой ученый. – 2016. – № 13. – С. 604–607.
15. **Dewey, H. W.** Russian Collective Consciousness: The Kievan Roots / H. W. Dewey, A. M. Kleimola // The Slavonic and East European Review. – Vol. 62. – No. 2 – Pp. 180–191.
16. **Höffe, O.** Kategorische Rechtsprinzipien. Ein Kontrapunkt der Moderne / O. Höffe. – Frankfurt am Main, 1993. – 431 s. – ISBN 978-3-518-58163-6.

REFERENCES

1. Bogdanov D. E. Vliyanie principa spravedlivosti na evolyuciyu ucheniya o prichinnosti v deliktnoj otvetstvennosti [The influence of the principle of justice on the evolution of the doctrine of causality in tort liability]. *Advokat – Lawyer*, 2012, no. 7, pp. 5–15. (In Russ.).
2. Bogdanov D. E. Triedinaya sushchnost' spravedlivosti v sfere deliktnoj otvetstvennosti [The Triune Essence of Tort Justice]. *Zhurnal Rossijskogo Prava – Journal of Russian Law*, 2013, no. 7, pp. 49–62. (In Russ.).
3. Grocij G. *O prave vojny i mira* [On the law of war and peace]. Moscow, 1994. 868 p. (In Russ.).
4. Kant I. *Osnovy metafiziki nrvstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika nrvov* [Fundamentals of the metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of Morals]. St. Petersburg, 2007. 528 p. (In Russ.).
5. Kel'zen G. *CHistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure doctrine of law, justice and natural law]. St. Petersburg, 2015. 542 p. (In Russ.).
6. List F. *Zadachi ugovolnoj politiki. Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie* [The objectives of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon]. Moscow, 2004. 110 p. (In Russ.).
7. Nazarenko G. V. *Pravovaya i kriminologicheskaya znachimost' ugovolno-relevantnyh psichicheskikh sostoyanij* [Legal and criminological significance of criminally relevant mental conditions]. Orel, 2002. 200 p. (In Russ.).
8. Radbruh G. *Vvedenie v nauku prava* [Introduction to the Science of Law]. Moscow, 1915. 160 p. (In Russ.).
9. Radbruh G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2004. 238 p. (In Russ.).

10. Sergievskij N. D. *Russkoe ugovnoe pravo. Posobie k lekcijam. CHast' obshchaya* [Russian criminal law. The manual for lectures. Part common]. St. Petersburg, 1900. 364 p. (In Russ.).
 11. Sliozberg G. B. Vozdayanie, vozmezdie [Retribution]. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1892, vol. VIa, pp. 867–868. (In Russ.).
 12. Sudenko V. E. Spravedlivost' i nakazanie po I. Kantu [Justice and punishment according to I. Kant]. *Vestnik asociacii vuzov turizma i servisa – Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities*, 2010, no. 3, pp. 42–48. (In Russ.).
 13. Syma C. *Istoricheskie zapiski. T. VII* [Historical notes. Vol. VII]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
 14. SHamsudinov I. U. Teorii nakazaniya v doktrine ugovnogo prava i diskussiya o ego celyah; al'ternativy ugovnomu nakazaniyu [Theories of punishment in the doctrine of criminal law and discussion of its objectives; alternatives to criminal punishment]. *Molodoj uchenyj – Young scientist*, 2016, no. 13, pp. 604–607. (In Russ.).
 15. Dewey H. W., Kleimola A. M. Russian Collective Consciousness: The Kievan Roots. *The Slavonic and East European Review*, 1984, vol. 62, no. 2, pp. 180–191. (In Eng.).
 16. Höffe O. Kategorische Rechtsprinzipien. Ein Kontrapunkt der Moderne. Frankfurt am Main, 1993. 431 s. (In Germ).
-